

НИКА ЛУНАРА

НЕ СМЕЙ
БЕЖАТЬ

...ПРОСТО БОЙСЯ ДО СМЕРТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ника Лунара

Не смей бежать

<https://litres.ru/74066038>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, у каждой стен есть своя история. Но что делать, если ты купила чужое прошлое на торгах, отдав последние гроши, а оно вернулось, чтобы забрать твоё настоящее?

Для неё эта хрущёвка должна была стать спасительной крепостью. Для него она всегда была единственным домом. Закон развёл руками, заперев в четырёх стенах напуганную сироту и жёсткого, прожжённого зоной мужчину, разучившегося верить людям.

В этой бетонной ловушке слишком мало места. Тонкие стены не спрячут от тяжёлого шага в темноте, а циничные правила чужой войны не предполагают жалости. Кем они выйдут из этих стен, когда чужая броня и глухой страх окончательно разрушат друг друга?

«НЕ СМЕЙ БЕЖАТЬ» — это не просто приказ человека, который сильнее. Это единственное правило выживания в их вынужденной близости. Потому что бежать всё равно некуда. Отыщи свой предел прочности и... просто бойся до смерти.

Содержание

ВНИМАНИЕ: ОТ АВТОРА	4
ПРОФИЛИ ПЕРСОНАЖЕЙ	6
Глава 1.	9
НЕ СМЕЙ БЕЖАТЬ	9
...простобойся до смерти.	9
Глава 2.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ника Лунара

Не смей бежать

ВНИМАНИЕ: ОТ АВТОРА

Добро пожаловать в мир, где иллюзии разбиваются о суровый бетон реальности, а за каплю безопасности приходится платить собственной свободой.

Прежде чем вы перевернёте первую страницу, я хочу предупредить: автор не идеализирует своих героев. Здесь нет благородных рыцарей. Есть мужчина, который пять лет провёл за колючей проволокой, разучился верить и привык брать своё силой. И есть девчонка, которая просто хотела обрести свой угол, но случайно купила на торгах чужое опасное прошлое.

В тексте вы столкнётесь с изнанкой вынужденного сожительства: психологическим давлением, тотальным контролем и замкнутым пространством, в котором невозможно спрятаться. Это история о том, как домашний, понятный мир сталкивается с цинизмом человека, который разучился жалеть, а чувства пробиваются сквозь броню наперекор здравому смыслу.

В этих тесных стенах хрущёвки нет места наивности. Если вы не готовы к историям, где защита неотличима от захвата,

а одержимость путают с заботой — возможно, вам не стоит делать этот первый шаг.

Строго 18+

Послесловие:

Мы начинаем этот путь на пределе прочности. Эта книга — о том, как опасно заходить на чужую территорию и как легко проиграть собственное сердце той, которую планировал просто вышвырнуть из своей жизни.

Я буду искренне признательна за ваши мысли в комментариях. Где лично для вас проходит черта дозволенного? Можно ли впустить в свою жизнь человека, если его прошлое разрушено до основания? Мне важно знать, чью сторону вы займёте в этом противостоянии характеров.

Спасибо, что решились пройти этот путь со мной. Помните: бежать всё равно некуда.

Чувствуйте. Сомневайтесь. Бойтесь.

ПРОФИЛИ ПЕРСОНАЖЕЙ

Стальной Дамир Абрамович, 35 лет.

Внешность: 192 см, широкоплечий, мощный. Ультракороткая стрижка, тёмные волосы, хищное породистое лицо со шрамом у левого виска. На плече — лагерная татуировка оскаленного волка. Глаза карие. Взгляд тяжёлый, пронизывающий.

Характер: Холодный стратег. Говорит тихо, глухо, почти без мата. Одержим контролем и безопасностью. После зоны спит только на спине, всегда держит дверь в поле зрения.

Цитата: «Запомни, малая: в этой квартире правила устанавливаю я. Даже когда молчу».

Лазарева Валерия Дмитриевна, 21 лет.

Внешность: 166 см, хрупкая, тоненькая, бледная. Огромные выразительные зелёные глаза — главное оружие. Любит оверсайз-худы, прячет в них фигуру.

Характер: Гордая, упрямая сирота со стальным внутренним стержнем. Обладает цепким умом репортёра. Готова зубами грызть бетон за свою хрущёвку, ставшую для неё спасительной крепостью.

Цитата: «Эта квартира — всё, что у меня осталось. И я не отдам её человеку, который привык просто забирать чужое».

Назаров Руслан Игоревич, 37 года.

Внешность: 185 см, подтянутый, спокойный. Серые цепкие глаза. Предпочитает дорогой кэжуал или строгие костюмы без галстука.

Характер: Глава ГК «Авангард» (ЧОП + юридическая группа). Верный до мозга костей. Холодная логика, железные нервы и огромные ресурсы. Единственный, кто не предал Дамира.

Цитата: *«Мы начинали вместе, Дам, и то, что они с тобой сделали — это наш общий счет. Мы добьемся правды, брат. Чего бы нам это ни стоило»*.

Лесков Вадим Юрьевич, 36 год.

Внешность: 172 см, плотного телосложения. Бегающие хитрые глазки — главное, что выдаёт натуру.

Характер: Бывший лучший друг Дамира. Трус, завистник и подлец. Украл бизнес и женщину, но так и не смог стать тем, кем был Дамир. Живёт в постоянном параноидальном страхе.

Цитата: *«У него ничего нет! Бумажка о выписке из колонии и пустые карманы! Почему вы все смотрите на меня так, будто я уже труп?!»*

Лескова Эльвира Эдуардовна, 33 лет.

Внешность: 170 см, яркая блондинка с «сделанной»

внешностью. Холодная кукольная красота и тяжёлый шлейф дорогого парфюма.

Характер: Расчётливая и меркантильная. Предала Дамира ради денег и статуса, но до сих пор тайно сравнивает Вадима со «Стальным», и сравнение всегда не в пользу мужа.

Цитата: «Я выбрала роскошь. Но каждую ночь мне снится его холодный взгляд. Он вернется».

Соколова Ксения Андреевна (Ксюша), 20 лет.

Внешность: Яркая, живая, с голубыми смешливыми глазами и рыжеватыми волосами.

Характер: Лучшая подруга Леры. Энергичная, дерзкая, готовая вписаться за Лерку в любой бой.

Цитата: «Лерка, если этот двухстворчатый шкаф посмеет тебя обидеть — мне плевать, сколько в нем метров! Я его на лоскутки вот этими самыми ноготками почикаю!»

Глава 1.

НЕ СМЕЙ БЕЖАТЬ

...простобойся до смерти.

*«Встреча двух личностей подобна
смешению двух химических веществ:
если есть хоть какая-то реакция,
меняются оба элемента»*

— *<i>Карл Густав Юнг</i>*

Лера.

— Лерка, ну ты и ювелир! Еще пара миллиметров влево, и мы бы праздновали не новоселье, а твой перелом пальца!

Ксюша со смехом перехватила у меня из рук тяжелый строительный молоток и бросила его в открытый ящик. Тот отозвался глухим металлическим грохотом. Я устало выдохнула, вытирая локтем лоб, и сделала шаг назад.

Старая, потемневшая от времени картина в тяжёлой деревянной раме теперь висела ровно по центру в коридоре. Единственная стоящая вещь, оставшаяся от родителей. На фоне простеньких, едва просохших светлых обоев она смотрит

релась странно, как привет из прошлой, сытой и безопасной жизни. Но без нее здесь было совсем пусто.

— Зато висит, — я попыталась улыбнуться, хотя плечи ломило от усталости так, словно я весь день разгружала вагоны. — Пойдем на кухню. Силы официально на исходе.

Наша «банкетная зала» представляла собой зрелище одновременно комичное и грустное. Всего две недели назад я судорожно подписывала документы и забирала ключи в агентстве. Две недели абсолютного хаоса: переезд, коробки, попытки отмыть вековую грязь за прежними хозяевами. На полноценную мебель денег, естественно, не осталось. Все мои сбережения подчистую сожрали первый взнос по ипотеке, пошлины и бесконечные справки.

Поэтому сейчас в центре кухни вместо стола высилась огромная картонная коробка из-под холодильника, накрытая яркой одноразовой скатертью в цветочек. На ней сиротливо, но гордо ютилось наше «богатство»: пузатая миска с наструганным на скорую руку оливье, сковородка с горячей золотистой жареной картошкой и торт «Рыжик» из супермаркета за углом. Рядом скромно стояла бутылка самого дешевого полусладкого вина. На дорогое у меня просто не поднялась рука.

Ксюша с размаху усадила свою пятую точку на единственный уцелевший табурет, который я успела притащить со старой съемной квартиры. Мне же досталась перевернутая пластиковая банка из-под шпатлевки.

— Ну, за хозяйку! — Ксюша звонко чокнулась со мной пластиковым стаканчиком. — Лерка, ты просто танк. В хорошем смысле. Я до сих пор поверить не могу, что ты это сделала. Год назад, когда... ну, когда в горах эта лавина сошла... я думала, ты вообще не выкарабкаешься.

При упоминании родителей в груди привычно заболело. Прошел год, а легче не становилось, просто боль притупилась, превратившись в постоянный фоновый шум. Смерть мамы и папы в том проклятом туристическом походе перевернула всё. Своей квартиры у них никогда не было, всю жизнь мотались по съемным углам. После них остались только старенькая, полуживая машина, куча долгов, которые мне пришлось закрывать, и полная пустота.

Я осталась в двадцать лет одна. Без тыла. Без права на ошибку.

— У меня просто не было выбора, Ксюх, — я сделала глоток кислившего вина и потянулась за картошкой. — Либо пахать как проклятая на трёх работах и отдавать половину заработка за чужую аренду, либо рискнуть. Когда эта квартира всплыла на торгах Росимущества, арестованная за долги, я поняла — это мой единственный шанс. Мне Пётр Валерьевич из агентства по знакомству шепнул про этот аукцион. Я месяц жила как в тумане, караулила его под дверями, спала по три часа, собирая чёртовы справки, чтобы успеть подать документы. Да, квартира убитая в хлам. Зато цена была ниже себестоимости. И район нормальный: окна во двор, на

детскую площадку, а не на свалку или промзону.

— Кредит, конечно, лютый, — Ксюша сочувственно вздохнула, отправляя в рот ложку салата. — Сколько тебе ещё?

— Лет десять, если не помру на этих трёх работах, — я невесело усмехнулась. — Но знаешь... когда я сегодня заперла замок изнутри, я впервые за год почувствовала, что могу дышать. Я дома. Это мои стены. Пусть облезлые, пусть ремонт продвигается со скрипом, и в углу торчит эта дурацкая стремянка... но никто меня отсюда не выгонит.

— Вот и умница. Хватить хоронить себя раньше времени, прорвемся, бляха-муха! — Ксюша решительно потянулась к торту. — Ты сильная, ты справишься. А ремонт — дело наживное. Через пару месяцев обои доклеишь, диван купим на распродаже, и будет вообще дворец...

Договорить она не успела.

Со стороны входной двери донёсся короткий, уверенный стук. Не громкий, не наглый, а казенный, механический. Так стучат люди, которые делают это по сто раз за день. Я нахмурилась, переводя взгляд на кухонные часы. Почти восемь вечера.

— Ты кого-то ждешь? — Ксюша замерла с пластиковым ножом над тортом.

— Нет. Доставку не заказывала, из ЖКХ вроде все проверки прошли... Может, соседи?

Я поднялась с банки, отряхнула домашние штаны и пошла

в коридор. За дверью стоял парень в плотной синей штурмовке с наплечным шевроном службы специальной доставки. На плече у него висел тяжелый кожаный планшет, а в руках он держал электронный терминал. Лицо у него было серое и абсолютно равнодушное. По нему сразу было видно, за день он обходит десятки таких подъездов.

— Лазарева Валерия Дмитриевна? — сухо спросил он, не глядя на меня.

— Да, это я.

— Вам заказное правительственное. Под расписку. Распишитесь, пожалуйста, и дату.

Он протянул мне терминал и стилус. Я вывела закорючку на стеклянном экране, всё еще не понимая, в чем дело. Парень забрал аппарат, протянул мне плотный конверт из грубой серой бумаги и, не прощаясь, заспешил вниз, гулко топая кроссовками по бетонным ступеням.

Я закрыла дверь. В прихожей, под тусклой лампочкой, разглядела штамп в верхнем левом углу. Буквы складывались в аббревиатуру, от которой по коже пробежал озноб: УФСИН России. ФКУ ИК-6.

— Кто там был? — Ксюша уже стояла в дверях кухни, вытягивая шею. Увидев казенный конверт в моих руках, она осеклась. — Лер... Это что, повестка?

— Не знаю, — голос прозвучал тихо.

Пальцы слегка дрожали, когда я надрывала плотный край бумаги. Внутри оказался один лист. Официальный бланк,

шапка с гербом, синяя круглая печать внизу и сухой текст. Я начала читать про себя, но уже на третьей строчке буквы расплылись.

— Лерка, не молчи, ты меня пугаешь, — Ксюша подошла ближе и заглянула через мое плечо. Я с трудом заставила себя прочесть текст вслух, спотыкаясь на формулировках: — *«Уведомление... Настоящим извещаем, что гражданин Стальной Дамир Абрамович... подлежит освобождению из мест лишения свободы 15 апреля текущего года в связи с окончанием срока заключения... Согласно учетным данным, данная жилая площадь по адресу... является единственным местом регистрации гражданина Стального Д. А., куда он имеет законное право вернуться для проживания после освобождения. Вам необходимо подтвердить актуальность данных, связавшись с инспектором или явившись в кабинет номер 4 до 10 апреля».*

Конверт выскользнул из моих пальцев и мягко упал на линолеум.

— Пятнадцатое апреля... — прошептала я, оглядываясь на календарь на стене. — Ксюша, сегодня двадцатое марта. Меньше чем через месяц.

— Так, стоп! Тихо! — Ксюша перехватила мои руки и заглянула в глаза. — Без паники. Давай включим логику. Это какая-то ошибка. Ты купила квартиру абсолютно официально? На торгах! Все документы у тебя, выписка из ЕГРН чистая, ты там одна хозяйка, ну кроме залога банку. Откуда

этот УФСИН вообще вылез? Наверное, у них там базы старые, не обновились!

— Да какая ошибка, Ксюх? Тут чёрным по белому написано, что он освобождается и едет сюда, по месту прописки! — в горле встал жесткий ком, не давая вздохнуть. — Видимо, его просто не выписали, пока он сидел. И теперь он возвращается. Сюда. Ко мне. Зэк. Стальной Дамир... А у меня один диван на всю квартиру! Мне куда его, валетом к себе подкладывать?!

— Твою мать... — Ксюша заглянула в пустую спальню, где высился только тяжелый старый шкаф. — Ситуация — дрянь, подруга. Полная. Не имеют они права к тебе в частную собственность кого-то подселять!

Я вглядывалась в строчки уведомления, пытаюсь найти хоть какую-то зацепку, но там были только сухие инициалы: Стальной Д. А. Ни фотографии, ни года рождения. От суматохи мне даже в голову не пришло посмотреть статью УК РФ, которая была вписана мелким шрифтом в бланк. Раз зэк — значит, уже опасно.

— Так, Лерка, прекрати трястись! — Ксюша забрала у меня листок и пробежалась по нему глазами. — Завтра с утра, прямо к открытию идёшь по этому адресу, в этот кабинет номер четыре. Садись перед инспектором, выкладываешь документы на собственность и требуешь объяснений! Тебе нужна информация. Без неё мы ничего не решим.

Я молча кивала, глотала слёзы и смотрела на облезлые сте-

ны. В воздухе отчетливо пахло катастрофой. До пятнадцатого апреля оставалось меньше месяца, и этот невидимый, безликий, но уже пугающий Стальной Дамир начал выживать меня из моего собственного дома.

Маршрутка до филиала уголовно-исполнительной инспекции тащила через утренние пробки, собирая все светофоры. Я сидела у окна, вжав локти в бока, и невидящим взглядом смотрела на грязный асфальт. На коленях лежала дешёвая синяя папка с выпиской из ЕГРН. Новенький замок-молния заедал, и я без конца его теребила, просто чтобы занять пальцы.

На нужной остановке я почти выскочила из душного салона. По указанному в уведомлении адресу стояло обшарпанное двухэтажное здание из серого кирпича с зарешеченными окнами первого этажа. На крыльце курили двое мужчин в камуфляжной форме.

Я толкнула тяжёлую деревянную дверь и сразу поморщилась от въедливого запаха дешёвой хлорки, смешанной с табачным дымом. Кабинет номер четыре обнаружился в самом конце тёмного коридора, прямо под мигающей люминесцентной лампой.

За столом, заваленным папками-скоросшивателями, сидела плотная женщина в форме с короткими крашеными волосами. На пластиковой табличке у неё на груди значилось: «Инспектор Овчинникова».

— Здравствуйте... Я по поводу уведомления, — я зашла, не зная, куда деть сумку, аккуратно примостилась на край жёсткого стула и подтолкнула к ней серый конверт. — Тут какая-то ошибка. Я меньше месяца назад купила эту квартиру на аукционе Росимущества. Я собственница, единственная.

Инспектор даже голову не повернула. Она придвинула к себе письмо, открыла базу на пузатом старом мониторе, защёлкала мышкой и тяжело, с присвистом, вздохнула.

— Ошибки нет, девушка, — её голос был плоским и усталым. — Всё законно.

— Да как законно-то?! — у меня внутри всё опустилось. — Я там живу одна. А ко мне подселяют чужого мужика, который только что из тюрьмы вышел!

— Послушайте меня внимательно, — Овчинникова наконец сняла очки, потёрла переносицу и посмотрела на меня, как на очередную дуру, пришедшую качать права. — Объясняю на пальцах. Судебные тяжбы по долгам и аресту имущества Стального тянулись несколько лет, пока Росимущество выставило квартиру на торги, пока снизило цену, вот вы её и купили. Но! На момент вынесения приговора эта площадь была его единственным жильем. По закону, осужденного снимают с регистрационного учета временно, на период отбывания наказания. А права на саму площадь он не теряет. Пятнадцатого апреля у него заканчивается срок. Идти ему некуда, он возвращается по адресу регистрации. Закон

на его стороне.

— Но квартира теперь моя! — я подалась вперёд, чувствуя, как в ушах начинает противно и мелко звенеть. — Что мне делать?! Нам в одной комнате прикажете спать?!

Инспектор лишь равнодушно сгребла мои бумаги обратно в кучу и пододвинула ко мне.

— Это гражданско-правовой спор, девушка. Инспекция этим не занимается. Не нравится — нанимайте адвоката, судитесь, выписывайте его через суд. Но сразу скажу: судиться будете годами, этодохлый номер, только деньги потеряете. Мой вам совет — договаривайтесь. И вообще, не накручивайте себя раньше времени. Он не за убийство или расчленёнку сидел, живой останетесь.

Я смотрела на Овчинникову, а перед глазами всё плыло. Взгляд зачем-то намертво прилип к её блузке, где на уровне груди натянулась и вот-вот готова была лопнуть пуговица. Я тупо разглядывала эти натянутые нитки, лишь бы не думать о том, что она только что озвучила. Живой останусь. То есть мне нужно радоваться, что меня просто не прирежут в собственной постели.

— А за что тогда? — вырвалось у меня.

— Это к делу не относится, — отрезала она. — Информацию третьим лицам не разглашаем.

— Скажите хотя бы... — я шмыгнула носом и быстро вытерла щеку тыльной стороной ладони. — Сколько ему лет? И сколько он сидел?

Инспектор мазнула взглядом по монитору.

— Стальной Дамир Абрамович. Тридцать пять лет. Отсидел ровно пять, звонком выходит. Еще вопросы есть? У меня коридор полный, приёмное время идёт.

Я покачала головой, забрала папку и выскочила из кабинета. Тридцать пять лет. Пять лет в колонии. Этот мужчина придет и заберет половину моих законных метров.

На улицу я вышла в полной прострации. Слезы текли сами по себе, размывая дешёвую тушь. Я шла к остановке и лихорадочно считала копейки. Тридцать пять лет... Он точно не ляжет на коврик в прихожей. Значит, нужен второй диван. Или хотя бы кровать. Или самый дешёвый матрас на пол в маленькую комнату, чтобы спастись, забаррикадироваться.

Я дрожащими пальцами набрала Ксюху. Она ответила сразу.

— Лер, ну что?! — выпалила подруга.

Я вкратце, всхлипывая, пересказала этот юридический ад.

— Тридцать пять лет... Пять лет отсидел... — эхом отозвалась Ксюша, и её задор мгновенно угас. — Господи, Лерка... Чёрт. Чёрт! Что же делать?

Ксюша и сама мыкалась по съёмным углам, считая копейки от зарплаты до зарплаты. Помочь деньгами она не могла, у самой в кармане сигареты да проездной.

— Ладно, — она постаралась взять себя в руки. — Слушай, Лер. Не плачь. Наскребем мы на матрас. Займем, на Авито бесплатный найдем. Главное — не сдаваться. До пят-

надцатого апреля ещё есть время. Мы что-нибудь придумаем, слышишь?

Я кивнула в трубку, хотя понимала: время неумолимо тает.

Просто сидеть и ждать кары небесной я не собиралась. Мой характер требовал действий. Вернувшись домой, я бросилась к ноутбуку. Пальцы летали по клавиатуре, пока я вбивала в строку поиска: «Стальной Дамир Абрамович». Воздуха в комнате резко перестало хватать, и я рванула на себя оконную створку, пока загружалась страница. Но интернет-выдача осталась глуха к моему отчаянию. Никаких подробностей, криминальных хроник или фотографий. Никаких старых новостей. Будто этого человека вообще никогда не существовало. Стальной Дамир был безликим призраком, который через три недели должен был обрести плоть в моем зале.

На следующий день я побежала по юристам. Обошла три бесплатные консультации, которые нашла по буклетам у метро. Все сказали одно и то же: снять его с учета можно только через суд и только после освобождения, а процесс затянется на годы. Мои финансовые иллюзии разбились о суровый ценник за ведение дела — сорок тысяч рублей. У меня в кошельке оставался свист ветра и триста рублей до аванса.

Последней каплей стал поход в строительный магазин за углом. Денег на нормальный замок не было, но я твердо решила хотя бы изолировать спальню. Выгрела мелочь из кар-

манов и купила самый массивный железный шпингалет.

— От кого закрываться-то собралась, пигалица? — хмыкнул усатый продавец, выдавая сдачу. — Засов-то крепкий, но если дверь у тебя картонная, межкомнатная, то её одним плечом вынесут вместе с косяком. Менять всё надо, хозяйка.

Домой я возвращалась с тяжёлым железным бруском в кармане. Задвижка была хлипкой защитой против тридцатипятилетнего зэка, но это было единственное, что я могла себе позволить.

В конце марта мы с Ксюхой всё-таки привезли надувной матрас. Парень с Авито отдал его за пятьсот рублей, на которые Ксюша скинулась со мной последней соткой. Матрас оказался ядовито-синего цвета, с лёгким запахом резины. Мы надули его прямо в маленькой комнате. И там теперь вообще невозможно было повернуться: шкаф с треснувшим зеркалом занимал половину пространства, а остальное место у пола было погребено под синей резиновой тушей. На неё я постелила своё единственное чистое бельё.

Прикручивая задвижку на дверь, я содрала кожу на пальцах, но металлическое ушко теперь плотно держало хлипкую межкомнатную дверь. Ксюха хотела остаться со мной в ночь перед часом X, но её вызвали на ночную смену.

— Лерка, если этот упырь начнет ломать дверь, сразу ори в окно и жми кнопку быстрого набора на мне, я наряд на твой адрес вышлю, поняла? — напутствовала она меня, нервно куря на лестничной клетке перед уходом.

Я молча кивнула. Ксюша бросила бычок в консервную банку на подоконнике, крепко обняла меня на прощание и заспешила вниз по ступеням.

Захлопнув дверь, я повернула ключ на два оборота. Завтра, пятнадцатого апреля, Стальной Дамир Абрамович официально покинет стены исправительной колонии номер шесть. Поезд оттуда идет около суток. Значит, шестнадцатого он будет здесь. Или семнадцатого.

Я выключила свет, легла на поскрипывающий матрас и натянула одеяло до самого носа. Стены моей выстраданной квартиры больше не грели, они давили. И я заснула с чётким ощущением того, что едва начавшая восстанавливаться жизнь завтра будет окончательно разрушена.

— Лерка, ты жива? У тебя голос такой, будто ты всю ночь мешки с цементом грузила.

Ксюша позвонила рано утром шестнадцатого апреля, как раз когда я пыталась отодрать голову от подушки. Вернее, от резинового сгиба синего монстра.

— Хуже, Ксюх, — прохрипела я в трубку, садясь и чувствуя, как бедра упираются в жесткий, холодный паркет. — Я опять на полу. Этот китайский шедевр инженерной мысли сдувается ровно раз в два дня. Стабильно.

Каждые сорок восемь часов матрас тихо спускал воздух, превращаясь из упругого ложа в сморщенную синюю шкуру. Но ладно бы он просто сдувался. Самый ад начинался, когда я доставала ножной насос, чтобы вернуть его к жизни.

— Слушай, ты его заклеить пробовала? — сочувственно зевнула в трубку Ксюха, у которой на заднем плане шумел чайник.

— Чем? Скотчем? Не держит! Но ты представь картину: три часа ночи, я просыпаюсь от того, что бок отмерзает на полу. В темноте, чтобы не будить соседей, нащупываю этот дурацкий насос и начинаю на него наступать. И на всю квартиру поднимается такой ор... Насос при каждом нажиге выдает рулады, будто стадо писклявых резиновых уток одновременно наступило на хвост коту. Хор сумасшедших гномов! «Пвиииу-хлюп... псссс... квааау!». А когда матрас надувается больше чем наполовину, он начинает так надрывно, тяжело стонать, с придыханием, словно этот несчастный кусок резины тащит в гору груженный самосвал. Я каждый раз боюсь, что тихая бабушка снизу вызовет полицию за ночные оргии !

Ксюша на том конце провода покатила со смеху.

— Ой, мамочки... Лерка, держись! Зато не скучно. Представь, если твой зэк придет, а ты тут ночные концерты устраиваешь. Он решит, что у тебя в комнате кто-то страдает.

Мой смех мгновенно оборвался. Упоминание о Стальном подействовало как ушат ледяной воды. Писклявые утки в голове замолчали, оставив только душную, давящую тишину.

Шестнадцатое апреля. Поезд из колонии, по моим подсчётам, должен был прибыть на вокзал ближе к вечеру, но ды-

шать нормально я не могла уже с утра.

Весь день прошёл как в тумане. Сначала была бесконечная лавина звонков в офисе у Петра Валерьевича: я бездумно улыбалась в трубку, сверяла базы, на автомате тараторила про квадратные метры, а сама то и дело косилась на экран мобильного. После обеда заперлась дома и попыталась отвлечься на копеечный заказ по переводу текстов. Строчки на английском плыли перед глазами, пальцы путались в клавиатуре, но я упрямо заставляла себя стучать по клавишам, просто чтобы не сойти с ума от тишины.

Часы безжалостно отсчитали семь вечера. Я отложила ноутбук, подошла к зеркалу на старом шкафу, которое шло косою трещиной через всю створку, и посмотрела на себя. Растянутые домашние штаны, старая полинявшая футболка, бледное лицо и тёмные тени под глазами от вечного недосыпа. Я выглядела испуганным подростком, который по ошибке залез в чужой дом и теперь ждёт хозяев.

Вдруг из прихожей раздался звук: короткий, отчётливый скрежет металла о металл. Кто-то снаружи уверенно вставлял ключ в мой замочный паз. Я замерла, боясь сделать вдох. Ключ повернулся один раз. Второй. Тяжелая металлическая дверь тихонько заскрипела, открываясь.

Он пришёл. Без стука, без предупреждения. Господи, как? Я же забирала ключи в агентстве, когда оформляла сделку! И тут до меня дошло. Ну конечно... Ключи-то мне отдали, а замок на двери остался прежним. Приставы просто опе-

чатали квартиру, а у Дамира, который жил здесь до ареста, остался его собственный комплект. Я, идиотка, так радовалась покупке, что даже не подумала сменить личинку замка! И теперь этот человек шёл в свою бывшую квартиру, которая юридически принадлежала мне, но замок которой всё ещё подчинялся ему.

Из коридора донесся отчетливый шаг. Послышался глуховатый звук: на линолеум бросили что-то тяжёлое, похожее на плотно набитый брезентовый баул. И наступила тишина. Холодная, выжидающая, от которой воздух в квартире сразу стал густым.

Я стояла у самого прохода в зал, вжавшись лопатками в стену рядом с дверным косяком своей крошечной спальни. Зал в этой планировке был смежным, и я оказалась как раз на этой границе: между большой комнатой с моим единственным диваном и тёмным проемом своей каморки со шкафом. Бежать было некуда. Я инстинктивно зажала рот ладонью, боясь сделать даже короткий вдох. В пустой квартире собственное дыхание казалось оглушительным.

Шаги возобновились: медленные, хозяйские. Он шел осматривать свои бывшие владения. Шаг. Ещё шаг. Вот он миновал ванную. Вот зашел на кухню, где вместо стола до сих пор виселась картонная коробка из-под холодильника. Я слышала, как он замер там, оценивая порядок и чистоту, которую я наводила здесь каждые выходные.

А потом шаги повернули в сторону комнат. Он шёл пря-

мо к залу, туда, где стоял единственный старенький диван, накрытый моим пледом. И прямо там, на стыке коридора и зала, в широкой арке, его шаги оборвались. Он остановился на самом пороге.

В арке появилась мужская фигура. И первое, что я поняла — он совершенно не был похож ни на одного из тех людей, которых я представляла все эти недели.

Глава 2.

Дамир.

Ключ провернулся в скважине на удивление легко. Ждал, что старый «Эльбор» давно закис, но механизм послушно щёлкнул дважды.

Я толкнул тяжелую металлическую дверь корпусом, зашёл в прихожую и сбросил с плеча набитый брезентовый баул. Тот глухо шмякнулся на линолеум.

Я стоял в темноте коридора и просто привыкал к тишине. После пяти лет за решеткой, без лая вертухаев, без вечного шмона и грохота железных шконок, эта тишина казалась неестественной. Я был уверен, что найду в заброшенный склеп, заросший паутиной и вековой пылью, где из углов будет пахнуть сыростью и гнилью. Специально приготовился к тому, что придется полдня разгребать завалы, чтобы просто было где упасть на ночь.

Но в нос с порога ударил совсем другой запах. Пахло лимонной бытовой химией и... свежесваренным чаем.

Я нахмурился и щёлкнул выключателем на стене. Заглась тусклая лампочка.

И первое, обо что я споткнулся взглядом — стена коридора. Обои новые, светлые, наклеенные наспех и косо, а прямо по центру красуется старая, потемневшая картина в тяжёлой

деревянной раме, которой тут отродясь не было.

Пять лет. Пять грёбаных лет. И первое, что я увидел на свободе — чужие шмотки и чужую жизнь в собственной квартире.

— Что за херня?.. — хрипло выдохнул я. Собственный голос после долгого молчания показался чужим.

Медленно перевёл взгляд дальше. Чистый пол. Чужая обувь. На вешалке висела лёгкая женская куртка. Кто-то здесь не просто переночевал — обжился. В груди неприятно потяжелело. Только теперь картинка начала складываться. Пока я мотал срок, приставы всё-таки дожали квартиру. Значит, успели выставить её на торги. А про моё право проживания, как всегда, предпочли не вспоминать.

Я неспешно двинулся вглубь квартиры, не снимая обуви. Неумение системы работать нормально злило. В колонии мне просто ткнули пальцем в предписание: следовать к месту постоянной регистрации. О том, что дома меня ждёт такой сюрприз, эти крысы в погонах даже не заикнулись. Вручили бумаги и выставили за ворота.

Мы с бабкой жили здесь еще с девяностых. Когда оформляли приватизацию, я отказался от своей доли в её пользу. Тогда казалось — нахрена мне эти квадратные метры, когда в карманах шелестело и бизнес пёр. А по закону человек, написавший отказ, получает пожизненное право проживания. Хату можно арестовывать за долги, выставлять на торги, продавать хоть десять раз, но выкинуть меня отсюда невоз-

можно. Моё право — это вечное, неснимаемое обременение.

Я заглянул на кухню. Старый перекошенный гарнитур был отмыт до блеска, а древняя «Бирюса» утробно и мирно урчала в углу. Вместо нормального стола посреди кухни высилась картонная коробка из-под холодильника, прикрытая чистой скатертью. На ней стояла одна розовая кружка, лежала раскрытая общая тетрадь в клеточку и пара ручек. Какая-то пигалица свила здесь гнездо, пока я жрал лагерную баланду.

Ситуация дерьмо, но в голове мгновенно включился привычный расчет. Хату заняли. Закон сейчас против нас обоих, бодаться через суды — пустая трата времени. Значит, придется эту сожительницу отсюда выживать. Создать ей правильные, невыносимые условия, и сама ключи оставит. По хорошему в таких раскладах никто не договаривается.

Я развернулся и сделал шаг в сторону зала. И вот тут я увидел её.

Она даже не пыталась убежать. Стояла прямо на границе комнат, вжавшись лопатками в стену рядом с дверным косяком крошечной спальни. Совсем мелкая девчонка, лет двадцать на вид. Худенькая, бледная, в растянутых домашних штанах и серой футболке. Она вся сжалась и смотрела на меня огромными глазами. Губы подрагивали, но она молчала, застыв на месте. Насмерть перепугана. Она явно знала, кто я такой, ей точно слили, что сюда возвращается прежний жилец. Знала и ждала, судя по тому, как вросла в стену. Похоже,

сюрпризом этот расклад оказался только для меня самого.

Несколько секунд мы просто разглядывали друг друга. Она не орала, не звала на помощь, просто застыла и ждала моей первой реакции.

Я оглядел её сверху вниз от растрепанных волос до босых ног. Играть в лагерного авторитета я не собирался, но нагнать жути сейчас было самым верным тактическим ходом. Чтобы сразу поняла, куда попала, и сама побежала паковать шмотки.

Я криво усмехнулся и шагнул вперед, намеренно нарушая её личные границы.

— Ого... — протянул я, хрипло, вполголоса, глядя прямо в её побелевшее лицо. — Вот это сервис. Только с поезда, а меня дома уже девочка ждет. Ты из какого агентства, милая? Чистая хоть? Справка есть?

Девчонка от моих слов дернулась. Она ещё сильнее вжалась в стену, кажется, пытаюсь сквозь нее провалиться, а в глазах встал такой панический страх, что мне на секунду показалось, будто она сейчас рухнет прямо к моим ногам.

Лера.

Шаги затихли у самого прохода в зал. Спазм сжал грудную клетку, дышать стало нечем. Я стояла, вжавшись спиной в стену возле косяка маленькой спальни, и судорожно куталась в старую кофту, пытаюсь уменьшиться, исчезнуть.

Три недели паники и ожидания вели именно к этой ми-

нута. Я знала, что он придет, прокручивала этот момент в голове сотни раз, но оказаться лицом к лицу с реальностью было в сто раз страшнее. Каждая секунда тишины из коридора буквально выжирала меня изнутри.

А потом он сделал шаг из кухни и вырос на пороге зала.

Расстояние между нами сократилось до длины одной проходной комнаты, но дышать всё равно стало нечем. Крупный, широкие плечи в чёрной куртке перекрыли проём. Из своего места я видела только его жёсткое лицо и холодный, неподвижный взгляд. От него даже через комнату веяло чужим, вокзальным холодом и опасностью.

Несколько секунд он просто оценивал меня, сканируя сверху вниз. А потом криво, неприязненно усмехнулся. Он двинулся через зал прямо ко мне. Остановился в упор, так близко, что его ботинки едва не задевали мои босые пальцы. Я инстинктивно ещё сильнее вжалась спиной в стену, до боли сводя лопатки, а он просто навис сверху, подавляя своими размерами.

— Ого... — протянул он хрипло, заглядывая мне прямо в глаза. — Вот это сервис. Только с поезда, а меня дома уже девочка ждет. Ты из какого агентства, милая? Чистая хоть? Справка есть?

От этих фраз внутри всё просто онемело. До меня с абсолютной ясностью дошло: если он сейчас захочет что-то со мной сделать — я не спасусь. Никак. Нас двое в запертой хрущёвке. Защитить меня некому. Один удар его кулака, и

меня просто закопают.

Паника требовала закричать или забиться в истерике, но страх парализовал голосовые связки. Зато мгновенно включился инстинкт выживания. Реветь нельзя. Качать права про собственность перед этим амбалом сейчас абсолютно бессмысленно и даже опасно. Нужно стать для него максимально неинтересной, жалкой и безопасной.

С трудом разомкнула сухие, дрожащие губы. Голос едва сипел, срываясь на шёпот, но внутри всё заставило сделать его серым, безликим и покорным.

— Я не из агентства, — судорожно сглотнула, не поднимая глаз выше его подбородка, чтобы не встретиться с ним взглядом. — Я сирота. Родители погибли. Квартиру купила с торгов, правда не знала, что вы тут прописаны. Я просто живу здесь. Работаю на трёх работах, меня почти не бывает дома. Я вам мешать не буду, честное слово. Хотите, чаю налью? Вы же с поезда, у меня на кухне чай горячий есть. Заваренный.

Я лепетала этот бред, чувствуя, как по коже бежит озноб. Я предлагала ему чай, как дикарю бусы, лишь бы он отвлёкся и не делал следующий шаг, который навсегда сломает мою жизнь.

Дамир не шевелился. Он продолжал стоять вплотную, и я кожей чувствовала, как от его куртки пахнет тяжёлым дорожным духом, дешёвым табаком и холодом. Моё признание про сироту, торги и три работы он выслушал молча. Взгляд

его тёмных глаз стал совсем плотным. Он молчал слишком долго. Только смотрел. Будто примерял мои слова к чему-то известному одному ему.

Стоило заикнуться про чай, как он издал короткий, сухой смешок. Звук получился страшным, как хруст сухой ветки под сапогом.

— Чай? — переспросил он, и его взгляд снова прошёлся по мне, задерживаясь на воротнике моей футболки и на руках, которыми я её сжимала. — Ну налей. Посмотрим, что ты там заварила, хозяйка.

Он наконец отступил на полшага. Кажется решил, что я уже достаточно напугана. Я не сразу поняла, что могу двигаться. Ноги будто забыли, как это делается. Лишь спустя несколько мучительно долгих секунд судорожно вдохнула полной грудью. Воздух всё ещё застревал где-то под рёбрами.

Он не ушёл. Просто перестал нависать надо мной, оставив ровно столько пространства, чтобы я могла пройти мимо него. И всё равно чувствовалось, что каждый мой шаг остаётся у него под контролем.

Дамир развернулся и неспешным шагом направился на кухню. Послышался скрип единственной табуретки. Он сел, и вся квартира сразу будто уменьшилась в размерах. Его присутствие заполнило всё свободное пространство.

Я побрела следом, чувствуя, как плохо слушаются ноги. Руки дрожали так, что когда я потянулась к старенькому чай-

нику, крышка громко звякнула.

— Ты это... пальцы-то побереги, — раздался сзади его ровный, хриплый голос. — А то кипятком себя обваришь, кто мне квартиру в порядок приводить будет?

Дамир сидел, не глядя в мою сторону. Он развалился на табуретке, закинув ногу на колено, и тяжелым взглядом оглядывал чистую, выскобленную мной кухню. Зацепился за обрезанную картонную коробку, за розовую кружку.

— Значит, на торгах хату взяла? — протянул он с насмешкой. — По дешевке захотелось обзавестись метрами? Риелторы, небось, пели, какая сделка выгодная? Про «сюрприз» в моем лице, я так понимаю, они скромно промолчали.

— Никто не знал... — едва слышно выдавила я, наливая чай.

Нашла самую большую кружку, без рисунков, стараясь хоть как-то угодить.

— И в инспекции сказали, что... что всё законно. Что вы имеете право тут находиться.

Я повернулась и, стараясь не смотреть ему в глаза, аккуратно двинула по скатерти кружку с дымящимся чаем, выставляла из холодильника остатки хлеба и сыра. Больше у меня ничего не было. До аванса оставались считанные дни. Это была моя последняя еда, но сейчас я готова была отдать всё, лишь бы задобрить этого человека.

Дамир посмотрел на сиротливые куски, потом на кружку. К еде не прикоснулся. Он взял чай, сделал большой глоток

и снова поставил кружку на коробку.

— Законно, — повторил он с глухим смешком. — У нас в стране вообще всё «очень законно». Приставы счета выпотрошили, хату под ноль списали за долги. А то, что я от приватизации отказался и у меня здесь пожизненное право пользования им плевать. Продали и концы в воду. Деньги поделили, а нам теперь с тобой тут вальс танцевать?

Он резко подался вперед, положив руки на картон. Коробка под его весом прогнулась. Лицо Дамира оказалось слишком близко, и я снова увидела эту жесткую усмешку.

— И чё делать будем, сирота? — вкрадчиво спросил он, сузив глаза. — Квартира маленькая. В зале один диван стоит, ты его, смотрю, пледиком своим накрыла. В спальне у тебя шкаф и синяя резина на полу. Один диван и один матрас. Чё получается? Ты решила, что я после зоны на полу кости мыкать буду, пока ты на моем велюре прохлаждаешься?

Оцепенение сковало грудь. Намек был прозрачным. Дамир давил. Давил осознанно, технично, проверяя, где у меня предел прочности, чтобы я просто сломалась и сбежала отсюда сама, бросив квартиру.

— Я... я на матрасе сплю, — выдохнула, заикаясь, из последних сил сдерживая слезы. — В маленькой комнате. Диван ваш... я не претендую. Забирайте. Я мешать не буду, уходить буду рано...

— Да мне насрать, во сколько ты уходишь, — резко оборвал он, и вся его напускная веселость мгновенно испари-

лась, обнажив злость. — Ты мне здесь не нужна, поняла? Ни твои шмотки, ни твои розовые кружки, ни твои обои косячные. Ты купила эту хату, да? Ну, поздравляю. Только вот прописан здесь я. Пожизненно. И жить я буду здесь один. Так что соображай, милая, как ты отсюда свалишь. Кредит твой — твои проблемы. Судись с кем хочешь: с приставами, с банком, хоть с господом богом. А пока...

Он поднялся с табуретки, разом став огромной черной горой.

— Пока я пойду займу диван. С поезда устал. А ты сиди тихо в своей норе и чтобы я тебя не слышал. Хрюкнет твой матрас ночью — выкину вместе с тобой в окно. Поняла меня?

Я не смогла ничего ответить, только часто закивала. Дамир развернулся, подхватил в коридоре свой тяжелый баул и ушёл в зал. Через секунду оттуда донесся тяжелый скрип пружин. Он лег.

Я застыла у кухонной раковины, судорожно втягивая воздух. Ноги плохо слушались, но я заставила себя двигаться. На цыпочках, боясь издать лишний шорох, прокралась по залу. Дамир лежал на диване, закинув руки за голову, уставившись в потолок. Я скользнула в свою спальню. Тихонько прикрыла дверь, навалилась всем телом на хлипкое полотно и с глухим стуком вогнала железный засов в пазы. Металл противно лязгнул в тишине. Только бы он не услышал этот звук.

Я буквально рухнула на синюю резиновую тушу. Она тут же отозвалась коротким свистом, словно сочувствуя моему положению. Я зажала рот ладонью, свернулась калачиком и беззвучно зарыдала.

Первый раунд я проиграла подчистую. Он забрал зал, он забрал диван, он растоптал меня. И впереди была первая, самая страшная ночь под одной крышей со Стальным Дамиром.

Дамир.

Я лежал на велюровом диване, закинув руки за голову, и разглядывал потолок с уродливым желтым пятном у люстры. Из комнатухи донесся металлический лязг. Засов. Заперлась. Я усмехнулся уголком губ. Боится так, будто я сейчас дверь с петель сниму.

С поезда ломило спину, но расслабиться не получалось. Тело оставалось натянутым, а уши ловили каждый шорох в этой хрущёвке. Из маленькой комнаты, доносились едва слышные, прерывистые всхлипы. Пигалица плакала. Почти беззвучно, видимо, уткнувшись носом в свой резиновый матрас.

— Сирота, три работы, родители погибли... — негромко повторил я себе под нос, и губы сжались. — Полный комплект. Осталось только про больного котенка рассказать.

Пять лет в колонии отучили верить людям на слово. Там у каждого второго «несчастный случай», «подстава» и «боль-

ная мама». На воле сказочников тоже хватало. Девка явно давила на жалость, надеясь, что я растрогаюсь от её слез, заберу свой баул и добровольно уйду на вокзал.

Щас, разбежался.

Я вспомнил, как она тряслась у стены. Выглядело убедительно, но в голове уже крутились другие варианты. Квартира ушла с торгов за копейки. Это факт. Откуда у двадцатилетней сопливой девчонки вообще взялись деньги на первый взнос и кредит? Сама накопила на трех работах? Сказки. Куда вероятнее, что за её спиной стоит какой-нибудь ушлый хахаль — риелтор, мелкий бандит или чинуша, который прокрутил схему, зная про косяк с приватизацией, и просто выставил девку вперед как живой щит. Мол, отказать молодой сиротке у суда рука не поднимется, а там, глядишь, и ээка как-нибудь выселят.

Врёт. Все они врут. Если этот её таинственный покровитель думает, что я испугаюсь слёз его малолетки, он сильно просчитался.

Мне нужно, чтобы она ушла. И ушла как можно быстрее. Торчать вдвоем на этих несчастных метрах опасно. Мне сейчас нужно понять, кто ещё жив, кто ещё работает и что осталось от старых дел. За пять лет многое могли подчистить. Особенно если у кого-то были деньги и связи. А тут под боком свидетель, который в любой момент накатает заявку участковому, что освобожденный Стальной на неё криво посмотрел. Одно её слово, и я улечу обратно за нарушение над-

зора.

Значит, план простой: выжить сожительницу технично, без криминала. Создать ей такие условия, чтобы она сама побежала к своему хахалю или в банк умолять забрать эту квартиру обратно.

Я повернул голову разглядывая зал. На полу у стены ровными стопками стояли её книги. На подоконнике какая-то девчачья мазилка в тубике. На диване её чистый пахнувший стиральным порошком плед. Этот запах домашней сытой жизни раздражал, и не вязался с тем что сидело у меня внутри.

Я резко поднялся, подошел к баулу, расстегнул молнию и вывалил его содержимое прямо на велюровую обивку, скомкав её плед. Наружу посыпалось моё нехитрое лагерное имущество: пара сменных футболок, застиранное полотенце, блок дешевых сигарет, алюминиевая кружка и тяжелые черные четки. Быстро навел свой порядок. Пусть привыкает.

Пройдя на кухню, я открыл холодильник. Тот самый хлеб, сыр, что она мне выставила. И всё — шаром покати. На полке в полупустой пачке белел кефир, рядом доживала свой век луковица.

«Или реально нищая, или маскируется под святую», — подумал, доставая сигарету.

Я закурил у открытого окна кухни, пуская дым в сырой апрельский воздух. Долго сидеть в этой норе я не собирался. Завтра с утра нужно наведаться к паре старых знакомых,

узнать, кто из моей прошлой жизни ещё дышит и у кого остались мои деньги. Деньги решают всё.

Затушил сигарету о подоконник, закрыл окно и вернулся в зал. Сбросил ботинки, лег прямо в джинсах на диван и устался в темноту. День выдался тяжёлым, навалилась усталость, но сон не шёл. Я привык спать на жестких нарах под хрип сокамерников, а тут слишком тихо.

Только из каморки доносилось прерывистое девичье сопение. Девка затихла. Забилась в свой угол и не отсвечивала. Ну и правильно, целее будет.

Где-то среди ночи, когда я уже провалился в рваную, чуткую дремоту, со стороны каморки началось шевеление. Девка до этого лежала тише воды, ниже травы, а тут вдруг заворочалась. Сначала донесся тихий, шуршащий звук, будто она завозилась в темноте, сползая со своей лёжки, и глухо заскреблась по паркету. Наступила тишина. А потом раздался странный, очень аккуратный, затяжной свист.

Я открыл глаза, уставившись в потолок. В лагере на любой чужой ночной звук реагируешь сразу, а тут стало понятно: сирота дождалась, пока я, по ее мнению, крепко засну, и решила втихаря проверить свою резиново-насосную махинацию. Видимо, её матрас за пару часов тихо подсел, и спать на жестком полу девке не улыбалось.

Свист повторился ещё тише, медленнее. Она давила на эту чертову «лягушку» буквально по милли

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.